

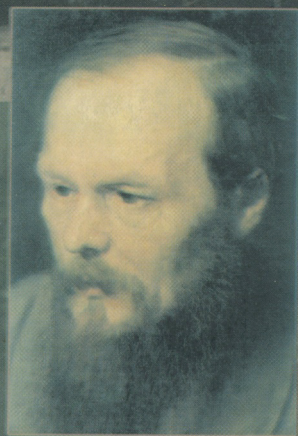

А. Л. БЕМ

ИССЛЕДОВАНИЯ

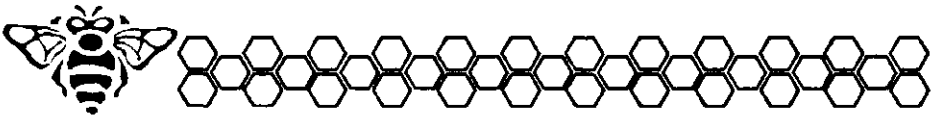

ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРЕ

STUDIA PHILOLOGICA

4

А. Л. БЕМ

ИССЛЕДОВАНИЯ
—♦—
ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б 45

Бем А. Л.

Б 45 Исследования. Письма о литературе / Сост.
С. Г. Бочарова; Предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. З. Сурат. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 448 с. — (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0197-8

Настоящее издание — первая книга работ замечательного филолога русской эмиграции, выходящая в России. Два раздела книги — «Исследования» и «Письма о литературе» — отвечают двум направлениям изобильной литературной деятельности автора в Праге, где он работал, в 1920-е и особенно в 30-е годы: это исследования поэтики Достоевского и Пушкина (в том числе цикла «психоаналитических этюдов» о творчестве Достоевского), а также «Фауста» Гёте в русской рецепции, и живая критика текущей литературы как в эмиграции, так и в советской России, с которой он регулярно выступал в периодических изданиях русской эмиграции.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Идея издания принадлежит Е. Н. Стафеевой и С. Ю. Хурумову

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-7859-0197-8

© С. Г. Бочаров. Составление,
2001

© С. Г. Бочаров, И. З. Сурат
Предисловие и комментарий,
2001

Оглавление

Альфред Людвигович Бем (*С. Г. Бочаров, И. З. Сурат*) . . . 7

Исследования

Достоевский — гениальный читатель	35
Первые шаги Достоевского (Генезис романа «Бедные Люди»)	58
Сумерки героя (Этюд к работе: Отражение «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского)	95
Эволюция образа Ставрогина (К спору об «Исповеди Ставрогина»)	111
Осуждение Фауста (Этюд к теме «Масарик и русская литература»)	158
«Фауст» в творчестве Пушкина	179
«Фауст» в творчестве Достоевского	209
Достоевский. Психоаналитические этюды	245
Психоанализ в литературе (Вместо предисловия)	245
Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского)	264
Послесловие	326

Письма о литературе

Культ Пушкина и колеблющие треножник	333
Спор о Маяковском	340
«Индустриальная подкова» Алекс. Ремизова	347
Еще о Гумилеве	356
«Охранная грамота» Бориса Пастернака	366
Мысли о Тургеневе (3 сентября н. ст. 1883—1933 гг.)	373
О советской литературе	379

Соблазн простоты	395
О Съезде советских писателей	400
«Господин из Сан-Франциско»	416
После Толстого (Из моих воспоминаний)	423
Чудо Пушкина	431
Литература с кокаином	436
<i>Примечания</i>	441

Альфред Людвигович Бем

Что надо сказать об этой книге прежде всего? Наверное, то, что это *первое книжное издание работ замечательного русского филолога в России*, его первая книга, выходящая в его отечестве¹. В 1920-е и особенно в 30-е годы Альфред Бем издавал свои книги в своем втором отечестве — в Чехословакии, на родине же, после его отъезда в эмиграцию в конце 1919, в печать в советское время он пробился только однажды — перепечаткой статьи «Сумерки героя» в провинциальных «Ученых записках» (в Горьком в 1972 г., с предисловием С. В. Белова). Уже в перестройку авторы настоящего предисловия предприняли републикацию нескольких работ А. Бема в «Вопросах литературы» (1991, № 6). В Праге о филологе помнили лучше: в 1972 г. там вышел изданный Славянской библиотекой том, целиком наполненный статьями Бема о Достоевском, однако и в нем ни на обложке, ни на титуле не было имени автора; это странная книга, оставляющая впечатление полукустарного-полуподпольного издания, набранная ротاپринтным способом и озаглавленная: *O Dostojevském: Sbornik statí a materiálů. Praha, 1972. Чьих статей, каких материалов? Чтобы узнать это, надо раскрыть книгу, составители которой сумели под этим прикрытием осуществить публикацию ряда важнейших статей А. Л. Бема в последней авторской редакции, подготовленной им в конце 30-х гг. для IV сборника в бемовской серии «О Достоевском», не вышедшего из-за не-*

¹ Если не считать ранней брошюры библиографического характера А. Л. Бем *К истории изучения Толстого*. Пг.: Русское библиологическое общество, 1916. 64 с.

мецкой оккупации Чехословакии и начала мировой войны. По этой книге в грубой красной обложке, проникшей тогда и к нам, и знакомилась у нас с ее автором, и лишь немногие знали Бема по собственно авторским первоисточникам — трем пражским сборникам «О Достоевском» 1929, 1933 и 1936 гг. и книге «Достоевский. Психоаналитические этюды», 1938.

Прага и сегодня опережает Москву в деле возвращения нам наследия А. Л. Бема: «Письма о литературе», собрание его критических статей, публиковавшихся в эмигрантских газетах, Прага, 1996 (издание подготовили Милуша Бубеникова, Ленка Вахаловска, Любовь Белошевская, Милуше Задражилова); библиография работ Бема, 1995 (Бубеникова и Вахаловска). Библиографию его работ о Достоевском включает каталог бемовской выставки, состоявшейся в ноябре 1998 г. в петербургском музее Достоевского — совместная работа чешско-российская (М. Бубеникова, Б. Тихомиров, Н. Шварц). И вместе с библиографией только сейчас начинают в обеих странах собирать и его биографию (нижеследующий краткий очерк основывается на материалах, собранных уже немалым количеством изыскателей как в отечественных, так и в чешских архивах).

Альфред Людвигович Бем родился в 1886 году (23 апреля) в Киеве в семье немецкого подданного. В краткой автобиографии, составленной им в 1923 году, читаем: «Высшее образование получил в Петербургском университете на Историко-филологическом факультете, словесное отделение которого окончил с дипломом 1-й степени. Оставлен при кафедре русской литературы по представлению проф. С. А. Венгерова»⁹.

Тут прервем на минуту Бема, чтобы остановиться на значительном эпизоде, положившем начало его ученой биографии. В январе 1908 г. С. А. Венгеров объявил в Пе-

⁹ ГА РФ, ф. 5773, оп. 2, ед. хр. 8, л. 1.

тербургском университете свой знаменитый семинарий: «Пушкин: история его жизни, творчества и текста». За восемь лет существования семинария в нем сформировалось целое поколение пушкинистов, и не только пушкинистов — филологов новой формации, и Бем был в их числе. Вместе с ним семинарий проходили такие будущие историки и теоретики литературы, как Ю. Н. Тынянов, А. С. Долинин, В. Л. Комарович. На собраниях семинария 11 и 18 февраля 1910 г. Бем прочитал свой реферат «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина», который руководитель семинария счел достойным публикации в академическом издании «Пушкин и его современники» (вып. XV, СПб., 1911), а затем им же открыл первый выпуск сборника «Пушкинист» (СПб., 1914), отражавшего работу семинария. Это была первая печатная работа Альфреда Бема, начиная с которой определилась преимущественная область его интересов в литературоведении — межнациональные литературные связи (Пушкин и Гёте, Пушкин и Мюссе, Тютчев и немецкая литература, Тургенев и Гёте, Достоевский и Гюго, «Фауст» в русской литературе) и генетические связи внутри русской литературы (Достоевский в связях с Грибоедовым, Пушкиным, Гоголем). Дал он и методологическое обоснование таких исследований — в статье «К уяснению понятия историко-литературного влияния. По поводу статьи А. С. Полякова „Пушкин и Пнин“» («Пушкин и его современники», вып. XXIII—XXIV, Пг., 1916). Другая его теоретическая статья тех лет, достойная быть отмеченной, также относилась, как она и называлась — «К уяснению историко-литературных понятий», — и рассматривала понятия сюжета и мотива на фоне исторической поэтики А. Н. Веселовского («Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук 1918 г.», т. 23, кн 1).

О послеуниверситетской своей деятельности Бем рассказывал в той же автобиографии: «С 1910 г. работал в Рукописном отд лении Российской Академии Наук под руко-

водством Всев. И. Срезневского, где позже занял выборную должность Ученого хранителя рукописей (...) Состоял членом Общества Толстовского музея в Петрограде, Историко-Литературного общества им. Пушкина в Петрограде, Историко-Литературного общества при Университете св. Владимира, Русского Библиологического общества в Петрограде. Редактировал „Ежегодник Общества Толстовского музея“ (совместно с Вс. И. Срезневским), сборник „Толстой. Жизнь и творчество“ (совместно с Вс. И. Срезневским), „Обзорение трудов по славяноведению“ (совместно с проф. В. Н. Бенешевичем), состоял членом ред. коллегии „Русского исторического журнала“, издаваемого Российской Академией Наук. Уже один этот деловой перечень обнаруживает характер научной личности А. Л. Бема, проявившийся позже и в эмиграции: он в науке был лицом общественным, любил коллективную работу, брал на себя организацию научных исследований.

О своем «„толстовском“ периоде жизни» Бем потом вспоминал с любовью, в 1935 г. в статье «После Толстого» (см. в наст. издании). Он готовит сборники «Толстой. Памятники творчества и жизни», составляет ежегодные толстовские библиографии³; от работы библиографической переходит к изучению рукописей Толстого в рукописном отделении библиотеки Академии наук. Эта архивная текстологическая работа стала залогом будущего 90-томного академического собрания Толстого, при зарождении плана которого Бем присутствовал, но в нем самом уже потом не мог участвовать. Во всех толстовских делах им руководил Всеволод Измаилович Срезневский, сын известного в XIX веке филолога-слависта академика И. И. Срезневского, заведующий рукописным отделением академической библиоте-

³ «Библиографический указатель творений Л. Н. Толстого» с указанием на обложке составителя А. Л. Бема, с дополнениями В. И. Срезневского, вышел уже и в советское время. Л.: Изд-во АН СССР 1926

ки. Отношения с В. И. Срезневским стали в жизни А. Л. Бема особыми и единственными; это была крепкая душевная привязанность, не ослабевшая и после расставания. В 1935 г., справляясь о здоровье Срезневского у Наталии Алексеевны Вукотич, также в прошлом сотрудницы рукописного отделения, он пишет ей из Праги: «Его верой в мои силы и в мои возможности я, в сущности, жил и работал», и дальше: «Дорожу его добрым ко мне чувством больше, чем многим и многим дорогим мне»⁴. В. И. Срезневский и А. А. Шахматов (столь же чтимый, но лично менее близкий) олицетворяли для него ту любимую академическую среду, по которой Бем тосковал в эмиграции и отсутствие которой так и не нашел чем восполнить. 4 февраля 1924 г. жена его будет уже из Чехословакии писать Н. А. Вукотич, что он «о своей прежней работе вспоминает как о недостижимом идеале»⁵. Когда же в 1936 г. он узнал о смерти Срезневского, то записал в дневнике: «29-го июня скончался Всеволод Измайлович. Дорогой, бесконечно близкий! Последняя связь с Россией порвана»⁶.

А. А. Шахматов дал такую характеристику А. Бему в феврале 1911 г. в письме другому академику, Е. Ф. Коршу: «Бем — мой ученик прямо выдающийся (сужу по его синтаксическим наблюдениям над Новгородской 1-й летописью)». Шахматов писал это в связи с событиями этого месяца

⁴ РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 3097а, л. 1 об., 2 об.

⁵ А. Н. Горяинов, М. А. Робинсон. Шесть писем А. Л. Бема и о А. Л. Беме / Славяноведение. 1998. №4. С. 100 (далее: А. Н. Горяинов, М. А. Робинсон).

⁶ Литературный архив МНП в Праге (ф. А. Бема, к. 15). Цит. по ст. Милуша Бубеникова Возвращение мастера / Эмигрантский период жизни и творчества Альфреда Людвиговича Бема: Каталог выставки СПб., 1999. С. 5 (далее: Каталог выставки). Здесь сообщается (С. 15), что переписка А. Л. Бема и В. И. Срезневского, хранящаяся в архивах Москвы и Праги, подготовлена к совместному изданию

ца в Петербургском университете, когда в период так называемого «режима Кассо» Бем в числе других за участие в студенческих волнениях был исключен из университета и выслан в Киев⁷. Весной 1912 г. он, однако, сдал университетские государственные экзамены.

Виды научной деятельности были разнообразны, в том числе — домашние кружки; Бем состоял не в одном из них, с разным составом участников. Известно о его участии в кружке по литературным вопросам, собиравшемся на квартирах по понедельникам, с А. С. Долининым, Е. П. Казанович, В. Н. Княжниним⁸; о других подобных кружках сообщает письмо В. В. Буша В. В. Гиппиусу от 26 февраля 1917, т. е. в дни февральской революции: «Кроме нашего кружка существует другой — А. Л. Бем, Эйхенбаум, Краснов и др. Этот кружок ставит себе целью разработку теоретических вопросов литературы»⁹.

Судьбу Бема, научную и личную, резко изменил 1917 год. Февральскую революцию он встретил «радостно, бодро и уверенно»¹⁰; но после октябрьских событий тон его переписки меняется. «Мы все живем как на вулкане, но забываем часто об этом: строим планы на будущее, начинаем работы, мечтаем о создании „Дома Мира“, но все это так далеко от действительности, суровой, напоенной кровью действительности. Хотел на неделю-другую поехать на родину, в Киев, повидать жену, свою девчурку, но, видно, не

⁷ А. Н. Горяинов, М. А. Робинсон. С. 94—95.

⁸ Там же. С. 96.

⁹ ИРЛИ, ф. 47, оп. 3, № 10; сообщено М. Д. Эльзоном, которому приносим благодарность. По его сведениям, «наш кружок» — домашний кружок участников семинария Венгерова (первое заседание состоялось 17 января 1916), ставший Комиссией по описанию русских журналов первой четверти XIX в. Вениамин Александрович Краснов — также участник венгеровского семинария.

¹⁰ А. Н. Горяинов, М. А. Робинсон. С. 96.

судьба. Да и не это так гнетет, как гнетет мысль, что будет война между югом и севером, что будут убивать, калечить друг друга свои же, братья по крови, что снова кровь без конца. Жуткое время, жуткие люди», — писал он А. К. Чертовой 9 декабря 1917¹¹. Начавшаяся разруха осложнила семейную ситуацию, возникла необходимость постоянных наездов в Киев, где оставалась его семья (жена и маленькая дочь), и ее нельзя было оставлять без поддержки; но главная трудность новой жизни была в невозможности полноценно работать, что всегда переживалось им тяжелее всего. В начавшейся «войне между югом и севером», которую он так рано предвидел, Бем в конце концов оказался на юге отрезан от севера. Он стал свидетелем гражданской войны, раздиравшей Киев; чешские биографы Бема ссылаются на его письма В. И. Срезневскому из Киева в Петроград первой половины 1918 г. с реакциями на происходившие в родном городе молниеносные перевороты и ужасы насилия¹². В конце 1919 г. след его в Киеве теряется. В самом конце этого года при обстоятельствах, нам окончательно не известных, Бем покинул Россию, оставив в Киеве семью (жену и уже двух дочерей), воссоединившуюся с ним уже в Чехословакии в 1923 г. (письмо А. И. Бем Н. А. Вукотич из Збраслава под Прагой 4 февраля 1924¹³). А вскоре после исчезновения мужа из Киева А. И. Бем писала 16 августа 1920 В. И. Срезневскому — и это недавно опубликованное письмо проливает свет на обстоятельства его бегства: «Я и сама не знаю, что с А. Л., где он, жив ли. У меня есть лишь одно предположение. Знаю, что еще в ноябре, когда здесь были добровольцы, А. Л. по делам должен был уехать на юг. С тех пор я не имею о нем никаких сведений. Киев

¹¹ РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, ед. хр. 3066, л. 13 об.

¹² Альфред Людвигович Бем. Письма о литературе. Прага, 1996. С. 16.

¹³ А. Н. Горяинов, М. А. Робинсон. С. 100.

вскоре был занят сов. войсками, и мы, очевидно, оказались отрезанными. Я этой мыслью успокаиваю себя»⁴.

Первым пунктом его эмигрантского пути был Белград, затем, с ноября 1920 г., — Варшава; наконец, с января 1922 г., он в Праге, где и развернулась его изобильная деятельность и прошла лучшая часть его творческой жизни вплоть до гибели в 1945 году. Бем приехал сюда по приглашению чехословацкого правительства, получив, в рамках так называемой «русской акции», объявленной в начале 20-х годов президентом Т. Масариком и премьером К. Крамаржем в помощь русской эмиграции в самом широком ее составе, от высокой интеллигенции до врангелевских солдат-галлиполийцев и лемносцев, — получив стипендию Министерства иностранных дел и место преподавателя русского языка в Карловом университете.

Прага среди других эмигрантских центров имела свое отдельное выразительное лицо. Культурная и научная жизнь была здесь более организованной, чем, скажем, в Париже; русские эмигранты формировали бесчисленные союзы, комитеты, творческие объединения, кружки, создали русские институты и университеты, десятки печатных изданий. А. Л. Бем в эту жизнь включился сразу с неутомимой активностью, стал инициатором ряда культурных начинаний: состоял в Союзе русских писателей и журналистов, был секретарем Русского педагогического бюро, участвовал в подготовке и работе съездов деятелей русской зарубежной школы, в работе Русской академической группы в Чехословацкой республике, Чешско-русской Едноты (союза), был секретарем политической группы «Крестьянская Россия» и редактором одноименного журнала (по предположению его ученика в Праге Ростислава Плетнева, именно эта деятельность и статьи в журнале «против колхозов» были одним из главных мотивов ареста Бема советским Смер-

⁴ Там же. С. 99.

шем в мае 1945¹⁵), работал в библиографической комиссии Комитета русской книги, был одним из организаторов «Збраславских пятниц» — открытого литературного салона, выступал с научными докладами и публичными лекциями — в том числе сделал четыре доклада на заседаниях знаменитого Пражского лингвистического кружка, колыбели чешского структурализма, в который он был принят в 1933 г. и в котором встречался с Я. Мукаржовским, Р. О. Якобсоном, Н. С. Трубецким, Р. Уэллеком, Э. Гуссерлем, П. Г. Богатыревым¹⁶. Много сил он отдавал педагогике: преподавал русский язык и русскую литературу в Карловом университете и Русском педагогическом институте, после перешел на историко-философское отделение Русского народного университета, занимался методологией преподавания в средней и младшей школе, детской психологией, регулярно печатался в журнале «Русская школа за рубежом». Преподавание, как видно, было столь естественным делом для Бема, что даже у себя дома он обучал русской литературе группу соседских детей.

И при этой общественной деятельности — серьезная и обширная филологическая работа. Альфред Бем стал в эмиграции одним из двух (наряду с П. М. Бицилли, работавшим в Софии) ученых-филологов академического склада, он принес в свою новую среду традиции русской академической школы и много способствовал собиранию и активизации научных сил зарубежья. Он писал на трех языках (русском, немецком и чешском), печатался, кроме Чехословакии, в Германии, Болгарии, Франции, Югославии, Польше, Италии.

Главным его филологическим делом стал Достоевский. В 1925 г. при Русском народном университете в Праге он учредил семинарий по изучению Достоевского, ностальги-

¹⁵ Ростислав Плетнев. Воспоминания о первом Международном обществе им. Ф. Достоевского // Записки русской академической группы в США. Т. XIV. New York, 1981. С. 9.

¹⁶ Каталог выставки. С. 10.

чески воссоздавая в нем черты и атмосферу венгеровского пушкинского семинария. «По своему характеру это было скорее научное общество, чем университетский семинарий обычного типа,— рассказывал Бем.— Вокруг него объединились главным образом уже сформировавшиеся ученые, интересовавшиеся творчеством Достоевского. Этим объясняется и то, что большинство докладов, прочитанных в нем, были затем напечатаны в разных научных изданиях. Но Семинарий выполнял и другую задачу: привлечения к изучению Достоевского молодых научных сил. Всего за время существования Семинария было прочитано 58 докладов на 53 темы»¹⁷. Сам Бем прочитал не менее 20 докладов.

Семинарий имел свою историю. Первый сборник «О Достоевском» по материалам его работы, вышедший в 1929 г., имел успех в научных и философских кругах зарубежья, что стало толчком к преобразованию в начале 1930 г. семинария в Общество Достоевского под покровительством президента республики Томаша Масарика (Р. Плетнев называет его даже почетным президентом Общества¹⁸); позднее (в 1936) Бем будет писать новому президенту республики Э. Бенешу об Обществе Достоевского, что оно «все время своего существования пользовалось вниманием и сочувственным расположением Президента-Освободителя Т. Г. Масарика»¹⁹. Руководящее значение в Обществе, кроме Бема, который стал его секретарем, имели чешский славист, друг Масарика Иржи Горак и переводчица, друг и корреспондент Марины Цветаевой, председатель Чешско-русской Едноты Анна Тескова. Общество, в 1933 г. еще раз преобразованное в Собрание по изучению жизни и творчества Достоевского при Славянском институте, существовало до июня 1939 г., когда оно уже под немецкой оккупаци-

¹⁷ О Достоевском. Сб. 2. Прага, 1933. С. 123.

¹⁸ Ростислав Плетнев. Воспоминания... С. 13.

¹⁹ Каталог выставки С. 27.

ей приняло решение о самоликвидации. В том же 1939 г. оккупационными властями были закрыты все чешские высшие учебные заведения, в том числе и Карлов университет.

Занятия Достоевским у большинства участников Семинария-Общества не имели узкофилологического характера; участниками были не только филологи, но и философы и психологи — Н. О. Лосский, Д. И. Чижевский, И. И. Лапшин, Н. Е. Осипов, В. В. Зеньковский, С. И. Гессен, Л. А. Зандер, Р. В. Плетнев, П. Н. Савицкий, С. В. Завадский. Сильным в занятиях Общества был психоаналитический интерес: действовало влияние руководимого Н. Осиповым психиатрического фрейдистского кружка, который посещал и А. Бем²⁰. Два сборника «О Достоевском» 1929 и 1933 гг. стали не только памятниками его научной деятельности, но и памятниками русской мысли о Достоевском. Эти интереснейшие сборники, напечатанные в количестве 400 экземпляров, расходились с трудом — настолько узок был круг читателей.

Третий сборник «О Достоевском» (1936) представлял собой уже персональное собрание работ А. Л. Бема и был назван им «У истоков творчества Достоевского». Всего им было опубликовано с 1921 по 1938 год значительно более полусотни статей и книг о Достоевском на нескольких языках²¹, и хотя они тогда заслужили много похвал от лучших умов зарубежья (в том числе, например, Ходасевича в парижской рецензии на два сборника «О Достоевском» в 1934 г.: «Мне кажется справедливым указать на ту исключительную роль, которую в изучении Достоевского играет ныне А. Л. Бем, не только как руководитель пражского семинария и редактор упомянутых сборников, но и в различ-

²⁰ См.: Жизнь и смерть: Сб. памяти д-ра Н. Е. Осипова / Под ред. А. Л. Бема, Ф. Н. Досужкова, Н. О. Лосского. Ч. I. Жизнь и посмертные труды. Прага, 1935. С. 55—57.

²¹ См. указанные выше библиографии по-чешски, 1995, и в выше-названном «Каталоге выставки». С. 57—62.

ных журналах и сборниках как исследователь. В последние годы напечатан им длинный ряд статей, из которых многие могут быть названы образцовыми²²), — в целом значение их в истории отечественного литературоведения еще не оценено. Между тем они означали этап в возникновении «настоящей „науки о Достоевском“», о которой сам Бем писал в предисловии ко второму пражскому сборнику в 1933 году²³: она приходит на смену религиозно-философской критике, перенося изучение открытой этой критикой проблематики творчества Достоевского на почву конкретного и подробного наблюдения и анализа текстов. После крупного философского осмысления Достоевского, каким было ознаменовано начало столетия, наступала пора истории литературы и поэтики. Выразительный эпизод 1933 г. — немецкая рецензия Бема на по-немецки же вышедшую книгу Вячеслава Иванова «Dostojewskij. Tragödie-Mithos-Mystik» и отклик Иванова на рецензию в письме Бему от 5 июня 1933: «Я высоко ценю его (отзыва) научную объективность — и то, что Вы признаете его недочетом, а именно устранение других точек зрения на мою работу, кроме историко-литературной, склонен вменять ему в особую заслугу, потому что это ограничение позволяет Вам более пристально рассмотреть одну часть проблемы, не менее важную, чем ее философская часть...»²⁴ Ограничение «историко-литературной точкой зрения» при оценке высокофилософского сочинения Вячеслава Иванова было, конечно, у Бема принципиальным.

В том же предисловии ко второму сборнику он настойчиво указывал на одновременное единство этого процесса в обеих ветвях расчлененной русской филологии, называя работы В. Виноградова, Ю. Тынянова, К. Истомина, М. Бахтина как свидетельство общности путей науки о Достоев-

²² Возрождение. 1934. 26 апреля. № 3340.

²³ О Достоевском. Сб. 2. С. 4—5.

²⁴ Каталог выставки С. 23.

ском в советской России и за ее рубежом (где центром науки о Достоевском стала Прага, а в Праге — деятельность А. Л. Бема). Свой метод исследования литературы Бем называл «методом мелких наблюдений»⁹⁵ (об этом методе он прочитал один из своих докладов в Пражском лингвистическом кружке 3 февраля 1936⁹⁶), таким образом обозначая, возможно даже несколько полемически, отличие масштаба своего внимания к литературе от крупноформатного мышления философской критики; однако на деле его наблюдения как раз во многом следовали линиям мысли философской критики и были направлены на более «мелкую», то есть конкретно-детальную, их разработку; так, читатель, теперь уже хорошо знакомый с «Легендой о Великом инквизиторе» и статьями о Гоголе В. Розанова, вероятно, заметит, что мысли Бема о том, как по-разному связан Достоевский с такими двумя предтечами, как Пушкин и Гоголь, наследуют розановской картине соотношения этих трех имен в движении нашей литературы. «Клюв у него тонкий да крепкий. Любой вопрос продолбит». Это ведь не что иное, как бемовский метод мелких наблюдений, так описывал Р. Плетнев⁹⁷. Одновременно с филологами в России А. Бем начинал изучение Достоевского способами поэтики; но дух отечественной формальной школы, отчасти также вышедшей из венгеровского семинария (хотя бы в лице такого лидера, как Ю. Тынянов), в целом был ему чужд («Он уделял много внимания вопросам формы и стиля, но не был формалистом *pur sang*»⁹⁸), и больше, пожалуй, точек соприкосновения его достоевсковедение имело (хотя с су-

⁹⁵ О Достоевском. Сб. 3. У истоков творчества Достоевского. Прага, 1936. С. 6.

⁹⁶ Каталог выставки. С. 10.

⁹⁷ Ростислав Плетнев. Воспоминания .. С. 10.

⁹⁸ Глеб Струве Русская литература в изгнании. Paris: YMCA-PRESS, 1984. С. 183